

На правах рукописи

Файзрахманова Альфия Анваровна

**Поэтика русской литературной утопии
1900-1910-х годов:
проблемы жанровой трансформации в контексте традиции**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Бирск – 2011

Диссертация выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Амиров Раиф Кадимович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
доктор философских наук,
профессор
Слободнюк Сергей Леонович
(ГОУ ВПО «Магнитогорский
государственный университет»)

кандидат филологических наук,
доцент
Безрукова Раиса Александровна
(ГОУ ВПО «Бирская государственная
социально-педагогическая академия»)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

Защита состоится «24» июня 2011 года в 13 часов на заседании
Диссертационного совета ДМ 212.326.01 при ГОУ ВПО «Бирская
государственная социально-педагогическая академия» по адресу: г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, д. 3а, ауд. 401.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бирской
государственной социально-педагогической академии и на сайте
www.birsk.ru

Автореферат разослан «18» мая 2011г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Е.А.Бурцева

Общая характеристика работы

XX век занимает исключительное место в истории русской утопии. На протяжении столетия различные составляющие утопической парадигмы становились предметом изучения философии, социологии, политологии, истории, культурологии. В результате возникло целое направление исследовательской мысли – утопиология.

В современной отечественной науке исследования утопии носят и специальный, и междисциплинарный характер. Однако статус литературной утопии долгое время оставался неопределенным. Как в своем классическом варианте, так и во всем многообразии жанровых форм она долгие годы находилась на периферии историко-литературного процесса.

Во многом подобная ситуация была обусловлена предельной идеологизацией культурного и литературного пространства революционной и постреволюционной эпох, а также требованиями литературы социалистического реализма. Отечественное литературоведение не сразу вырвалось из плена официальной советской идеологии. В частности, вне поля зрения оставалась утопия как самостоятельный феномен, обладающий спектром собственных жанрово-родовых проявлений. Поэтому важно проследить, как менялись представления писателей о возможности построения счастья на земле, достижения идеала, равенства, справедливости, свободы и благосостояния, как эти представления проявлялись в художественном сознании.

Интенсивное изучение русской литературной утопии начинается в последние десятилетия XX века. Заметно возрастает количество работ, в которых раскрывается ее природа. Изучение специфики отечественной утопии, уточнение ее жанровой сущности, ключевых моментов, связанных с процессом ее трансформации, во многом проясняет особенности развития русской литературы в целом. Однако до сих пор нет однозначности как в понимании самого явления, так и в определении типологических и национальных особенностей поэтики отечественной утопии.

Достигнутые результаты, а также ряд существенных вопросов, актуальных для современного литературоведения, диктуют необходимость дальнейшего изучения различных аспектов литературной утопии: с одной стороны, настало время обобщить накопленный опыт ее анализа, с другой стороны, появилась возможность расширить понимание утопического жанра в русской литературе и дать ему новую интерпретацию.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется, во-первых, необходимостью углубления и уточнения имеющихся знаний об отечественной утопии с учетом разноречивого характера исследовательских толкований; во-вторых, потребностью осмысления на рубеже веков новых аспектов изучения русской литературной утопии; в-третьих, возросшим интересом к утопии как к специфическому литературному феномену, развивающемуся вне жестких жанровых схем; в-четвертых, возможностью

определения типологических характеристик литературной утопии в историко-культурном и философском контекстах; в-пятых, значимостью исследования жанровых процессов трансформации русской утопии, начиная с народных форм ее выражения и заканчивая новыми вариациями в русской литературе первых десятилетий XX века.

Объектом исследования являются произведения русской литературы, написанные в жанре утопии.

Предметом исследования выступают поэтика и жанровые модификации русских утопий первого десятилетия XX столетия, рассмотренные в контексте отечественной классической традиции.

Вместе с тем в целях компаративистского анализа возникает необходимость расширения ретроспективного исторического контекста за счет обращения к утопиям устного народного творчества и русской литературы XVIII-XIX веков.

Материалом исследования являются произведения, созданные до 1917 года, ознаменовавшего рубеж эпох, когда русская литературная утопия достигла самого высокого уровня развития. Это «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой повести об антихристе и с приложениями» В.С. Соловьева, «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова, «Земля», «Республика Южного Креста» В.Я. Брюсова, «Красная звезда» А.А. Богданова, «Праздник Весны» Н.Ф. Олигера. При этом особое внимание уделено народной утопии и классическим вариантам отечественной литературной утопии XVIII-XIX вв. Это «Легенда о Китеже», «Сказание о роскошном житии и веселии», «Слово на похвалу блаженных памяти Петра» Ф. Прокоповича, «Слово похвальное блаженным памяти государю императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года» М.В. Ломоносова, «Сон "Счастливое общество"» А.П. Сумарокова, «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» М.М. Щербатова, «Нума Помпилий, или Прцветающий Рим» М.М. Хераскова, «Сон» А.Д. Улыбышева, «Европейские письма», «Земля Безглавцев» В.К. Кюхельбекера, «Город без имени», «4338 год. Петербургские письма», В.Ф. Одоевского, «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевского, «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Мы не обращаемся к многочисленным утопическим проектам 1920-90-х годов, которые, на наш взгляд, должны стать предметом отдельного исследования.

Для получения объективных выводов в работе рассматриваются не только вершинные произведения первых десятилетий XX века, но и утопии второго ряда, в которых жанровый канон окончательно сформировался. Ориентируясь на «высокие» образцы, они сохраняют традицию, что позволяет провести ее системный анализ и определить особенности модификаций литературной утопии.

Несмотря на то что художественная ценность избранных утопических текстов неодинакова, основное внимание в диссертационной работе

уделяется произведениям, позволяющим наиболее четко представить картину развития русской литературной утопии и выделить в ней значимые особенности жанровой поэтики.

Цель диссертационной работы видится в определении специфики жанра, поэтики, трансформации русской литературной утопии первых десятилетий XX века.

Соответственно **задачи** исследования следующие:

- выявить степень изученности русской литературной утопии в современной науке;
- уточнить значение понятия «литературная утопия» с учетом его разнообразных трактовок;
- исследовать закономерности развития русской утопической традиции и определить диапазон ее изменений;
- определить особенности художественного выражения русской утопии первых десятилетий XX века.

Научная новизна диссертации состоит в том, что анализируется комплекс типологических и видовых признаков русской литературной утопии, обусловленных влиянием не только западноевропейской, но и отечественной традиции; рассматривается аксиологический потенциал жанра утопии и его реализация в тесной связи с конкретной историко-культурной ситуацией; исследуется картина жанровой трансформации и поэтика русской утопии с учетом как известных, так и малоизвестных художественных произведений.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-типологический анализ, предполагающий теоретические обобщения, связанные с выделением существенных признаков утопии; историко-литературный, способствующий выявлению динамики исторического развития утопии в разные эпохи; концептуально-философский принцип изучения литературной утопии, позволяющий выделить важнейшие компоненты русского утопизма.

Методологические и теоретические принципы диссертации базируются на исследованиях отечественных и зарубежных ученых: литературоведов, культурологов, историков, философов и др., внесших значительный вклад в теорию литературной утопии. Это работы, посвященные изучению сущности, генезиса и места утопии в общественном сознании (Э.Я. Баталов, Ч.С. Кирвель, С.С. Сизов, И.В. Фролова и др.); труды по истории и философии отечественной утопии (Т.В. Артемьева, Р.А. Гальцева, Б.Ф. Егоров, Л. Геллер, М. Нике, А.И. Клибанов, Г.М. Пономарева, И.П. Смирнов, В.В. Святловский, В.П. Шестаков, К.В. Чистов и др.); исследования культурологического и литературоведческого характера (Ф. Аинса, Н.Н. Арсентьева, Х. Гюнтер, С.А. Гончаров, Е.Н. Ковтун, И.А. Мараваль, В.И. Мильдон, О.А. Павлова, С.Л. Слободнюк, В.А. Чаликова, В.И. Хрулев и др.); работы по теории жанра (М.М. Бахтин, О.М. Фрейденберг, Н.Л. Лейдерман, Г.Н. Пospelов, Н.Г. Рымарь и др.).

В ходе проведенного исследования сформулированы **основные положения, выносимые на защиту:**

1. Утопия представляется ярчайшей художественной формой русской литературы, отличающейся жанровым, идейным и поэтическим своеобразием. Утопические произведения носят внеродовой, «пограничный» характер, определяющий их поликомпонентную структуру как результат взаимодействия различных идеологических моделей и художественной реальности. Выделившись из фантастической литературы, утопия стала самостоятельным, самодостаточным и с аксиологической точки зрения амбивалентным жанром, допускающим совмещение элементов утопического и антиутопического сознания.

2. В типологическом плане выделены основополагающие признаки утопии: масштабность, всеохватность, глобальность, изображение идеального состояния общества с преимущественным использованием описательного дискурса. Определены жанрообразующие признаки утопии – амбивалентность, полисемантическая, полифункциональность с доминантой моделирующих свойств, полиструктурность как синтез социальных, философских, политических и т.п. парадигм; риторичность как использование жанровых клише, в частности «диалога героев»; апология идеального и отрицание реального мира, из чего проистекает неизменность оппозиции «реальное/идеальное» как ядра утопического произведения и сакрализация/десакрализация пространства и времени. Под влиянием историко-культурных факторов утопия обретает жанровую гибкость и подвижность: прежде всего в ней изменяются функции героя-нарратора, степень соотношения реального и идеального, вымышленного и рационально-научного, художественного и социально-философского начал.

3. Анализ становления отечественной утопической традиции позволяет проследить важнейшие особенности ее развития в фольклорном и литературном творчестве. Являясь результатом коллективного творчества народа, фольклорная утопия выразила русское национальное мироощущение. Ее отличительные признаки – общинный, патриархальный, архетипичный, отчужденный по отношению к официальной государственной культуре характер представлений об идеальном мире; образ «вольного» государства; апология странничества, поиска обетованной земли; преимущественное выражение утопического содержания через народные легенды; тесная связь с православием, в особенности со старообрядчеством, отсюда утверждение идеи Царства Божия, праведности на земле, эсхатологическое восприятие действительности.

Литературная утопия, формируясь на самобытной национальной основе, вместе с тем аккумулировала западноевропейскую традицию и отреагировала на нее созданием собственных оригинальных утопий. Ее доминирующие признаки – связь со светской культурой, литературой, философией, в частности с идеями Просвещения; обращение как к рациональным, так и к иррациональным формам познания мира (научно-

технические модели, масонство, эзотерические учения и т.п.); развитие жанровой системы, в том числе активное использование жанров «государственного романа», путешествия, сновидения и т.д.; актуализация социально-политического содержания; идеализация не только общественной, государственной, но и частной жизни человека в рамках «нравственной» утопии; постепенная трансформация утопии в антиутопию.

4. Русская литературная утопия первых десятилетий XX века развивается под влиянием утопической традиции предшествующих эпох, а также разнообразных форм выражения утопического сознания (религиозная философия, символизм, космизм, мистицизм, марксизм и др.). Для нее характерно и максимальное расширение амплитуды колебаний от утопии к антиутопии, и их максимальное совмещение, как, например, в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» Вл.С. Соловьева. Утопия обретает фантастико-символический, радикально-космический характер, обращаясь к глобальным проблемам преобразования мира и человека. Формируется утопическая историософия, ярким выражением которой стало творчество В.Я. Брюсова; рождается особый, мистико-утопический тип героя (в учении Н.Ф. Федорова он способен победить смерть и преобразить жизнь); модернистская картина мира сближается с «тайными знаниями», оккультно-эзотерическими учениями (драма В.Я. Брюсова «Земля»); активно используется социалистический опыт претворения утопических идеалов (роман А.А. Богданова «Красная звезда»); яркие черты эпохи модерна отражаются в романе Н.Ф. Олигера «Праздник весны» (культ свободной любви, эстетизация смерти, гедонизм, гармония духовного и телесного начал, андрогинный характер образности).

5. К началу XX века в полной мере складывается национальная специфика русской утопической литературы. Утопия приобретает свои оригинальные черты, собственный путь развития, на что указывает динамика ее жанровых трансформаций в самом широком диапазоне: отступая от жестких канонических правил, она приходит к индивидуально-художественному освоению мира в свободной романной форме с присущей ей онирической фабулой, «персоналистичностью» повествования, аксиологической неоднозначностью утопического сознания. Парадоксальным результатом процесса трансформации «классической» утопии в произведениях русских писателей 1900-1910-х годов стала перверсия жанра, его превращение в антиутопию.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит, во-первых, в развернутой характеристике основных типологических признаков литературной утопии, а также в определении степени их проявления в различных утопических текстах русской литературы XVIII-XX веков; во-вторых, в исследовании русской утопической традиции, нашедшей яркое выражение как в долитературной, так и в литературной форме; в-третьих, в выявлении важнейших жанровых признаков русской утопии

первых десятилетий XX века, с учетом влияния на нее философско-религиозных концепций, оккультных учений, марксистской идеологии и др.

Практическая значимость диссертации обусловлена тем, что ее основные положения и материалы могут быть использованы в дальнейшем изучении отечественной утопической традиции и могут войти в общие и специальные курсы по истории русской литературы XVIII-XIX вв. и рубежа XIX-XX вв.

Апробация работы. Различные аспекты диссертационного исследования были апробированы и изложены автором в научных журналах *«Вестник БГПУ им. М. Акмуллы»*, *«Вестник ЧГУ»*, *«Вестник ЧГПУ»*, *«Искусство и образование»*, а также в выступлениях на региональных и всероссийских конференциях *«Актуальные проблемы филологии и филологического образования»* (г. Стерлитамак, 27 марта 2006 г.), *«Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз»* (г. Уфа, 2003–2011 гг.); на всероссийской конференции с международным участием *«Актуальные проблемы общего и регионального языкознания»* (г. Уфа, 28 октября 2008 г.); на международных конференциях *«Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании»* (г. Уфа, 13 декабря 2007 г.; 11 декабря 2010 г.; 17 декабря 2011 г.), *«Поэтика художественного текста»* (г. Борисоглебск, 25 ноября 2008 г.), *«Художественная антропология: внешнее и внутреннее тело человека в литературе»* (Казахстан, г. Караганда, 25 июля 2009 г.), *«Проблемы поэтики и стиховедения»* (Казахстан, г. Алматы, 15-16 октября 2009 г.).

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы, в котором 245 наименований. Объем диссертации – 233 страницы.

Основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются ее цели и задачи, материал исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость, методологическая основа работы,

Первая глава диссертации **«Русская утопия как литературоведческая проблема»**, состоящая из двух параграфов, посвящена актуальным вопросам изучения утопии как художественного явления в типологическом контексте.

В первом параграфе **«Русская утопия в историко-функциональном освещении»** дается краткий обзор основных этапов исследования утопии в отечественной науке: от первых десятилетий прошлого столетия до рубежа XX-XXI веков. Отмечено, что сопричастность утопии различным гуманитарным знаниям одновременно и расширяет ее границы, и усложняет толкование самого феномена. Это приводит к отсутствию понятийной строгости и стройности в определении утопии. В современной гуманитарной традиции она преимущественно рассматривается с философской и

социально-политической позиций, не получая развернутого литературоведческого анализа.

В диссертации отмечается, что русская литературная утопия не сразу обретает самодостаточность. С одной стороны, она трактуется как разновидность научной фантастики или как жанр, активно использующий элементы фантастического. С другой стороны, ее затмевает антиутопия как специфическая художественная форма тоталитарного XX века. Устойчивый взгляд на антиутопию как на магистральный феномен эпохи на долгие годы лишил литературную утопию научного интереса.

Системное изучение художественно-литературных особенностей утопии начинается на рубеже XX-XXI веков. Несомненную ценность представляют работы последних лет Т.В. Артемьевой, Б.Ф. Егорова, Н.В. Ковтун, В.И. Мильдона, О.А. Павловой, С.Л. Слободнюка и др. На фоне подробно изученных жанров фантастики и антиутопии литературная утопия предстает как многоаспектное, «полиструктурное» (термин О.А. Павловой) образование, осмысленное в рамках истории русского утопизма.

Междисциплинарный характер исследований утопии в сочетании с иерархически-приоритетным подходом позволяет обратиться к доминирующим фактам ее истории, но не дает возможности охватить литературоведческие аспекты анализа интересующего нас периода – начала XX века. Мы разделяем мнение С.Л. Слободнюка, согласно которому именно в это время создаваемые русскими мыслителями вымышленные миры «объективно соотносимы с утопическими мирами предшествующих эпох и созвучны утопическим чаяниям рубежа XIX-XX столетий»¹.

Во втором параграфе «**Типология жанра литературной утопии**» рассматривается проблема литературно-художественного обоснования утопии. Определение жанрового статуса литературной утопии позволило в ходе исследования выделить ее типологические черты, которые, благодаря своей устойчивости и повторяемости, формируют универсальную утопическую картину совершенного общества. Это такие основополагающие признаки утопии, определяющие ее ядро, как масштабность, всеохватность, глобальность, изображение идеального состояния общества. Они объединяют в единое целое самые различные формы утопии, представляя ее как сложную конструкцию, состоящую, в первую очередь, из социальных, философских, политических парадигм, регламентирующих структуру текста.

Вместе с тем в ходе анализа были выделены черты, свидетельствующие о жанровой гибкости и подвижности литературной утопии. В разные периоды своего развития она сдерживала или провоцировала те или иные качества, которые определили ее поэтическую специфику.

Такие типологические особенности литературной утопии, как пограничный характер бытования, принцип двоемирия, особая нарративная и

¹ Слободнюк С.Л. Муза мстительных надежд: принцип талиона и теократическая утопия в православии Серебряного века. – СПб.: Наука, 2010. – С. 18.

пространственно-временная структура текста, моделирующие свойства, присутствие вымысла, близость к романной форме и др., координировали развитие жанровых черт утопии в разные этапы ее культурно-исторического развития.

В результате мы пришли к следующим выводам: жанровой основой литературной утопии являются черты, как сохраняющиеся на протяжении многих веков, так и меняющиеся под влиянием многих факторов. Оживая в определенную эпоху, жанр утопии впитывает в себя все особенности того или иного метода, стиля, направления и вступает с действительностью в новые отношения.

Во второй главе «**Становление утопической традиции**» выявляется характер бытования утопии от фольклорных до классических форм ее выражения. Одна из значимых форм развития утопической традиции – фольклорная утопия – рассматривается в первом параграфе «**Национально-культурные предпосылки формирования русской народной утопии**».

В работе выделена существенная особенность русской утопической традиции – параллельное существование утопии в народной и официальной культурах, что, естественно, влияет на синхронное и диахронное существование долитературных и литературных форм утопии.

В диссертационном исследовании отмечено, что в качестве идеального воображаемого мира в народной утопии выступает община, или «вольное» («иное») государство, не связанное с социально-политическим обустройством. С ним связано существенное качество народной утопии – апология странничества, целенаправленного поиска или случайного обнаружения обетованной земли, которая отличается прежде всего отсутствием регламентированного правления.

Свое концептуальное выражение русская народная утопия получает под влиянием христианства. Важно то, что она активно развивается в рамках идеологии старообрядчества с присущими ей представлениями о священном царстве, преображенной, безгрешной земле, пришествии Спасителя, приближении Антихриста.

Активное бытование в русской народной утопической культуре получают легенды о «далеких землях». Подчеркивается, что отечественная утопическая традиция в целом предполагает, с одной стороны, действенное восприятие утопических легенд о «райских» землях, ради поиска которых снаряжались целые экспедиции, с другой – особое сакральное отношение к идеальному миру.

В качестве примера в диссертации рассматривается легенда о Китеже. Ее бытование в русской культуре отличалось большим разнообразием и народных версий (в том числе, и языческой), и литературных вариантов, которые были представлены сначала в старообрядческих рукописях, позднее – в художественных текстах.

Выделена существенная особенность народной утопической легенды: она воспринималась русским национальным сознанием и как объект

сильнейшей веры в праведность, являющуюся одним из смысловых компонентов понятия «воля» (Е.Б. Кошовец), и как ярчайшая, самобытная метафора «земного рая», сохранившаяся вплоть до XX века.

Вместе с тем мы сочли необходимым показать на примере «Сказания о роскошном житии и веселии» противоречивое, несколько ироничное народное представление о всеобщем счастье и изобилии. Очевидно то, что в народном сознании «пародическое описание» (Л. Геллер) вымышленной утопической страны, сочетающее позитивное и негативное отношение к миру изобилия, объясняется изменением мировоззрения человека, уже не подчиняющегося наивным представлениям о мире.

Таким образом, народная утопия представляет собой неотъемлемую часть социокультурной, литературно-философской мысли Нового времени. Фольклорные представления об идеальной жизни и основные мотивы народных утопий – праведность, истина, воля, свобода, вера в «земной» рай – находят яркое выражение и в литературных формах утопии.

Во втором параграфе **«Утопии XVIII века в контексте художественной традиции»** отмечено, что существенная роль в процессе формирования утопической традиции отводится эпохе Просвещения, когда активно воспринимаются ценностные черты западноевропейской утопии, появляются оригинальные сочинения. Именно в эпоху петровского и екатерининского правления создаются условия для формирования национальной утопической традиции.

Преобладающими чертами этой эпохи становятся эсхатологичность, ослабление роли церкви, формирование светской культуры и литературы, апология разума и естественнонаучных знаний, развитие не только рациональных, но и иррациональных форм познания мира, активное жанровое развитие художественной литературы.

Для выражения утопических идей русская литература XVIII века активно использует жанр «путешествий» (и его разновидность – путевые записки), сновидения, «государственного», «политического» («*Staatsromanen*») романа (В.Святловский) или «государственной утопии» (В.Шестаков).

В них отражаются черты, связанные с идеями просвещенного абсолютизма: создание совершенного государства, напрямую соотносимого с образом Российской империи, провозглашение идеальных законодательных проектов, совершенная система вероисповедания, свободная от недостатков и противоречий церковных канонов, наличие в ней добродетельного, справедливого монарха, который изображен мудрым правителем, храбрым воином, истинным законодателем, тружеником на троне. Так, М.М. Херасков в «государственном» романе «Нума Помпилий, или Прозвешающий Рим» предлагает образ идеальной страны, подчеркивая не только значимость древней империи, но и величие екатерининской России.

В целом русская утопическая традиция XVIII века носит позитивный характер независимо от того, провозглашается ли всемогущество и

добродетель правителя или подвергаются критике проявления самодержавной власти.

Как было отмечено, наряду с рационализмом в XVIII веке находят свое выражение иррациональные методы познания, в распространении которых важнейшую роль играет масонство. Масонскими настроениями, как на социально-политическом, так и на мировоззренческом уровне, насыщены утопии XVIII века. Масонская символика наблюдается в названии страны Офир романа М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина»; в выборе имени главного героя утопии М.М. Хераскова «Кадм и Гармония» и выполнении им функции «метамодели социального поведения»²

Подчеркнуто, что идеи российского масонства, при всей сложности и противоречивости своего развития, явились неотъемлемой частью интеллектуальной жизни эпохи Просвещения, в том числе и утопического сознания.

В последнем, третьем параграфе второй главы **«Особенности развития утопии в русской литературе XIX века. Преемственность и обновление»** отмечается, что утопический импульс, заданный мыслителями «философского века», был активно воспринят утопистами XIX века. Вместе с тем в отечественной традиции наблюдается расширение пространства утопии.

Преемственность эпох прослеживается на примере произведений А.Д. Улыбышева, В.К. Кюхельбекера. В них сакральным местом идеального социума выступает храм, отражающий присущие русскому самосознанию христианские и светские представления о нравственности и морали. В рассказе «Сон» А.Д. Улыбышева внимание акцентируется на монархическом правлении, истинной религиозности, свободной от церковных догм, высокой морали, равенстве сословий. В «Европейских письмах» В.К. Кюхельбекера заметна идеализация Российской империи через опосредованную параллель с образом далекой Америки.

В диссертации подчеркивается, что традиция утопической мысли, сама по себе достаточно противоречивая, не могла не породить альтернативно-полемические формы утопии. Так, в «Земле безглавцев» В.К. Кюхельбекер, прибегая к арсеналу «смеховой культуры», фольклорным традициям, гротеску, обнажает нравственные и социальные противоречия современности. В утопии В.Ф. Одоевского «Город без имени» показан процесс самопроизвольного тотального разрушения утопического общества. Этот мотив саморазрушения найдет отражение и в литературной утопии 1900-х годов.

В ходе анализа показано, что жанровый диапазон утопии чрезвычайно широк – от позитивных представлений о гипотетическом социуме до негативных и наоборот. Яркий тому пример – творчество указанных

² Артемьева Т. В. От Славного прошлого к светлому будущему: Философия истории и утопии в России Эпохи Просвещения. – СПб.: Алетея, 2005. – С. 385.

писателей. Например, незавершенный роман В.Ф. Одоевского «4338 год. Петербургские письма» строится на смещении мажорной тональности и тревожных предчувствий будущей катастрофы.

Наиболее ярко типологические черты русской утопии XIX века выразились в «фантастическом рассказе» Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека». В форме сновидения, выполняющего архетипическую функцию путешествия героя в «иной» мир, представлена целостная и замкнутая модель «земного» рая со своим сакрально-мифологическим пространством и временем, атмосферой неиссякаемого счастья, радости, веселья.

Особенность данного произведения видится в том, что в нем отчетливо выражается мысль о бесплодной попытке преобразования мира. Достичь всеобщего счастья невозможно: начавшееся с невинной шутки возвращение счастливых людей приводит к разрушению нравственности, распаду и уничтожению утопического мира. Проведенный анализ позволяет определить произведение Ф.М. Достоевского как метаутопию, в которой, по справедливому выражению Г. Морсона, «утопия и антиутопия вступают друг с другом в предельно бесплодный диалог»³.

В завершение анализируются антиутопические тенденции, которые расширяют «русский опыт» формирования утопической традиции. Вершиной актуализации утопического потенциала XIX века, повлиявшего на становление антиутопического жанрообразования, является «Легенда о Великом Инквизиторе» – одна из важнейших частей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

В диссертации утверждается, что обоснование проблемы «счастье-несвобода» влияет на поэтику и философский замысел вершинного произведения XX столетия – антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Воздействие новеллы Ф.М. Достоевского прослеживается на примере диалога замятинского героя математика Д-503 с Благодетелем Единого Государства.

В сатирическом преломлении представлены утопические идеи у М.Е. Салтыкова-Щедрина. Нами рассмотрена гротескная форма романа «История одного города», с помощью которой утопическое миромоделирование доводится до абсурда. Показано, что прием гротеска позволяет прогнозировать страшные последствия глубоко рационализированной жизни, выступает движущей силой поиска-рождения истины, позволяет смело предсказывать трагические результаты абсолютизации власти, нивелирования личности, распространения уравниловки.

В третьей главе «Русская литературная утопия 1900-х годов» рассматривается самый яркий и неоднозначный период в истории развития русской утопии. В это время, по точному наблюдению С.Л. Слободнюка, была создана «утопия особого рода», которая «не разменивается на мелочи,

³ Морсон Г. Границы жанра. Антиутопия как пародийный жанр // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы / сост., общ. ред. и предисл. В. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – С. 252.

не унижает себя подробными описаниями производства и производственных отношений, не обращает внимания на вопросы деторождения, не опускается до рассказов о праве и законах создаваемого мира. Все решается исключительно на уровне предельных категорий: мир – божество (абсолют), добро – зло, жизнь – смерть»⁴.

В начале XX века формируются самые разнообразные формы выражения утопического сознания, которые возрождаются через опыт религиозных философов, символизм, мистические настроения, эстетические трансформации действительности, а также через деятельность леворадикальных интеллигентов, не только создававших утопии, но и пытавшихся реализовать их на практике.

В первом параграфе **«Соотношение философско-религиозного и художественного начал в утопиях русских философов 1900-х годов»** исследуется утопия в созвучии с религиозно-философской мыслью этого периода. Анализ утопических сочинений В.С. Соловьева и Н.Ф. Федорова позволяет увидеть сближение философского и художественного начал русской утопии, отражающее процесс трансформации жанровой поэтики утопии.

В религиозно-философских концепциях русских мыслителей, небывалых по своему размаху проектах усовершенствования человечества развиваются такие важнейшие утопические категории, как идеал, земной рай, счастье, свобода, гармония. Вместе с тем авторы касаются важнейших вопросов религии, мистических учений, науки, культуры, космизма.

С позиции осмысления литературоведческих аспектов русской утопии рассматривается один самых ярких философско-утопических опытов В.С. Соловьева – «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899-1900). Максимальная концентрация утопических черт наблюдается в заключительной части произведения – «Краткой повести об антихристе».

В жанре притчи демонстрируется условно смоделированное будущее XX-XXI веков. Представлена фантастическая картина «восточного нашествия» на Европу и Россию. Отмечено, что с помощью идеи «панмонголизма», источником которой видится теософская доктрина поочередного господства над миром великих рас, автор демонстрировал процесс завершения истории и расцвет «новых» форм идеологии. Миф о «желтой опасности» будет впоследствии активно использован в утопиях начала XX века.

В работе пристальное внимание уделено теме антихристианства, вызвавшей трагическое предощущение грядущих катаклизмов в произведениях писателей рубежной эпохи. Зловещая фигура Антихриста, обретающего черты «сверхчеловека», становится кульминационным образом апокалипсического философствования русского богослова. В работе

⁴ Слободнюк С. Л. Муза мстительных надежд: принцип талиона и теократическая утопия в православии Серебряного века. – СПб.: Наука, 2010. – С. 31.

рассматривается тесная связь героя В.С. Соловьева с образом Великого Инквизитора Ф.М. Достоевского, великим персонажем Ф. Ницше.

Философскую значимость обрела утопическая мечта о совершенстве мира, силе добра, крушении власти тьмы и зла. В процессе осмысления утопической проблематики формируется особый мистико-утопический тип героя, характерный как для предыдущего столетия, так и для формирующегося Серебряного века.

Стремление обосновать утопическое будущее ярко выразилось в научно-философских утопических проектах Н.Ф. Федорова, невероятных и радикальных по своему характеру. Отличительная особенность утопического дискурса «Философии общего дела» видится в том, что в ней «были сплавлены воедино мифологемы Ренессанса и Просвещения»⁵.

Венцом развития идеального общества в утопии Н.Ф. Федорова становится человек, способный победить смерть, изменить основы мироздания, подчинить разуму всю Вселенную. Одна из великих утопий рубежного времени отличается тем, что в ней человек возведен на самый высокий пьедестал мироздания.

В итоге отмечается, что утопии этих авторов объединяют философско-утопические мотивы всеобщности и единения людей. Утопии русских философов направлены на коренное преобразование всего природно-мирового порядка. В них представлен симбиоз утопических и научных (у Н.Ф. Федорова), утопических и религиозных (у В.С. Соловьева) представлений о грядущем мире.

Аксиологическая неоднозначность утопического мира рассматривается во втором параграфе **«Утопическая историософия В.Я. Брюсова («Утопии навыворот»)**. Поэт создает собственную утопическую историософию, которая выражается в сложной диалектике истории, цивилизации, культуры. Ее основой становится сквозная тема, пронизывающая поэтические и прозаические откровения В.Я. Брюсова, – тема трагической судьбы человека в современном мире, исчерпанности потенциала развития современной цивилизации. Ход истории не вызывает у писателя утопического оптимизма и радужных надежд, хотя и не дает оснований для крайнего пессимизма.

Итогом творческой работы В.Я. Брюсова первых десятилетий XX века становится его первый сборник рассказов и новелл «Земная ось» (1907 г.). Большое значение в этой книге имеют первое и заключительное произведения – новелла «Республика Южного Креста» и драма «Земля». Начало и конец «Земной оси» превращаются в своего рода «магнитные полюса», которые направляют и организуют «силовые линии» всего произведения. Именно в них содержится ключ к пониманию утопических представлений В.Я. Брюсова.

В первой части второго параграфа **«Рассказ «Республика Южного Креста»: амбивалентная природа авторской аксиологии»** ставится вопрос

⁵ Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900-1920-х годов в контексте отечественной культуры. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. – С. 71.

об особенностях реализации жанровых принципов утопии В.Я. Брюсова и прослеживается процесс трансформации его представлений о мире.

Отмечено, что В.Я. Брюсов, следуя традициям утопической литературы, создает в произведении условно смоделированный образ вымышленного государства. Диалог с утопической традицией проявляется в сохранении градостроительных идей, демонстрирующих универсальную упорядоченность пространственной организации; во введении оппозиции город – внегородское пространство; в описании социально-политической картины воображаемого государства.

Утопический текст отличает стремительная динамизация. Качественно выраженная актуальность брюсовской утопии видится в использовании центрального сюжетного мотива болезни – *mania contradicens*, выражающегося в нарушении языковой коммуникации, которая ведет к афазии (т.е. расстройству речи) и, следовательно, несоответствию мысли-слова-поступка.

В работе доказывается, что мотив загадочной болезни имеет не только внешнюю, социальную природу, раскрывающую конфликт утопического социума, но и внутренний иррациональный характер развития. Важно то, что загадочная болезнь появляется в утопическом государстве самопроизвольно, обнажая стихию инстинктивно-бессознательного в человеке. Это проявляется в языковой изоляции как личности, так и всего утопического социума.

В завершение анализа рассматривается финальная часть новеллы, которая не оставляет ощущения безысходности. Очевидно, что авторская аксиология требует существенных оговорок: В.Я. Брюсов, предрекая апокалипсический исход исторического развития, не отрицает обновления, порождающего новую утопию. В «космическом» масштабе представлены важные закономерности изменчивой действительности начала XX века.

Во второй части параграфа **«Драма «Земля»: утопические и оккультно-эзотерические мотивы»** отмечается, что на рубеже эпох соседство различных духовных форм культуры, сближение модернистской картины мира с «тайными знаниями», небывалое устремление к будущему, судьба которого зависит от человека, создали прочную основу для формирования нового типологического феномена культуры, в которой потребность пересотворить мир тесно переплелась с утопическим сознанием.

Оккультно-эзотерические доктрины, нашедшие отражение в творчестве В.Я. Брюсова, рассмотрены в контексте жанрового развития литературной утопии. Утопическое будущее представлено в драме осуществившейся сверхиндустриальной цивилизацией.

Автор создает грандиозную картину всемирного космополиса, используя традиционные для классической утопии мотивы. Город представлен как единый организм – дом-космос, включенный в космогоническую цепочку событий. Однако картина неизбежной гибели городской цивилизации показана в произведении В.Я. Брюсова средствами

«окультурного дискурса». Неизменными атрибутами города-дома становятся мрак, безмолвие, смерть, создающие таинственную атмосферу, столь характерную для оккультно-эзотерических опытов.

Одной из основных сюжетных конструкций драмы «Земля» является оккультное посвящение, ритуал инициации. Главной особенностью этого сюжета у В.Я. Брюсова становится выявление в человеке «скрытых» возможностей постижения иного мира, утверждение идеала, связанного с апологией жертвенности во имя общего блага и счастья. Также рассматривается оккультно мотивированный персонаж драмы – Дух последней колдуньи, в котором обнаруживаются черты героев «конца света». В.Я. Брюсов наделяет этот образ сокровенными тайными знаниями о четырех «расах», сменявших на земле друг друга.

Исследование смысловой и жанровой структуры драмы В.Я. Брюсова показывает, что он свободно обращается к различным оккультным и эзотерическим системам. Интегрируя культурное наследие прошлого, художник слова представил свою проекцию утопического будущего. Увлечение различного рода оккультными учениями и их отражение в драме «Земля» – это не изыск автора в области «тайных» наук, а органический элемент его утопического сознания. Оккультизм позволил писателю обнажить в утопической драме насущные вопросы современности: о смысле жизни, смерти, взаимодействии с «запредельным» миром и т.п. – и наполнить их философским содержанием, что, безусловно, повлияло на жанровую природу утопии начала XX века.

В четвертой главе **«Русская литературная утопия 1910-х годов. Поэтика трансформаций»** рассматриваются намеченные в предыдущей главе проблемы модификации утопического жанра на примере одного из самых популярных в начале XX века романов А.А. Богданова «Красная Звезда» и малоизвестного широкому читателю романа Н.Ф. Олигера «Праздник Весны». Анализируется специфика жанра, а также процесс трансформации утопических сочинений этого периода.

В первом параграфе **«Социалистическая» утопия А.А. Богданова «Красная звезда». Проблема современного прочтения»** уточняются причины популярности «социалистической» («марксистской») утопии, исследуются особенности данной модификации жанра.

Известно, что первые десятилетия XX века отличаются широким многообразием культурных дискурсов в России. Как совершенно справедливо считает О.А. Павлова, наряду с элитарной культурой Серебряного века, с ее эстетическими и мистическими утопиями, наиболее восприимчивой к продуцированию утопий оказалась субкультура радикальной интеллигенции, создававшей утопические проекты в рамках марксистской идеологии⁶.

⁶ Павлова О.А. Русская литературная утопия 1900-1920-х годов в контексте отечественной культуры. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. – С. 24-29.

Анализ истории публикации романа А.А. Богданова показывает, что социалистическая трактовка его утопии не теряла своей значимости и первостепенности даже тогда, когда произведение исследовалось с точки зрения фантастического и научно-технического моделирования мира. Социалистические идеи оценены в тексте как наиболее верный способ вербализации утопических идеалов.

Современная трактовка этого произведения позволяет обратиться к тому уровню художественности утопических произведений, который определяется доминантой эстетического начала над идеологическим и социальным содержанием. Роман А.А. Богданова интересен тем, что в нем воплотились черты русского национального утопизма.

Сакрализация идеального места связана с национальной чертой русской утопии, для которой свойственно стремление найти «иное», лучшее место, нежели иное, лучшее время. Это качество русской утопии связано с национальной традицией, согласно которой утопическое сознание «ни в какое время не верит и все надежды связывает с *другим* местом»⁷.

В то же время следует указать на то, что в утопическом романе жанрообразующей чертой выступает нравственная проблематика, нашедшая выражение в измененной функции нарратора, для которого характерны сложные и противоречивые чувства по отношению к воплощенной утопии. Анализ образа главного героя Леонида показывает, что автор не был отягощен идеей создания идеального утопического образа революционера, фанатически преданного своему делу.

Демонстрируется рождение героя, переживающего свой путь познания утопической действительности – от убежденности к сомнениям, от сомнений к действиям. Смещается ценностно-познавательный ракурс изображения гипотетически совершенного социалистического общества. Нарратор подвергается испытаниям теми социалистическими идеями, которые он проповедовал на Земле. Постепенно «обезличенный» утопический герой преобразуется в героя–протагониста, сознание которого обретает драматические черты.

Таким образом, реализующаяся в романе проблема персонализации жанра позволяет говорить о трансформации жанра утопии в начале XX века

Во втором параграфе четвертой главы **«Неизвестный Н.Ф. Олигер и его утопический роман «Праздник Весны»: традиции и новаторство»** рассматривается произведение одного из тех отечественных мыслителей, которые по разным причинам оказались в тени своих великих современников, и потому их творчество осталось за рамками современных исследований, в то время как оно нуждается в тщательном и внимательном прочтении.

Роман некогда популярного писателя Н.Ф. Олигера является ярчайшим примером «высокой», «чистой» утопии, отличающейся стремлением создать

⁷ Мильдон В.И. Санскрит во льдах, или возвращение Офира - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – 2006. – С. 85.

образец идеального утопического мира, с помощью которого человечество надеялось на рубеже эпох «обрести утраченное Единство»⁸.

Н.Ф. Олигер заимствует из жанрового арсенала классической утопии присущий ей принцип двоемирия. Утопическая действительность в романе – это мир прошлого, отличающийся хаотичностью, необустроенностью, и мир идеального будущего, выделяющийся неземной красотой и лучезарностью. Определяет структуру романа эффект неизменного времени, характерный для классической утопии. Некоторые черты реального прошлого эпизодически появляются в повествовании, но не получают дальнейшего развития.

Максимально абстрагируясь от современности, полной социальных и политических катаклизмов, Н.Ф. Олигер моделирует мифологическую картину «золотого века», наполняя ее новым смыслом. Идеальное в утопии Н.Ф. Олигера обретает архаико-мифологические черты праздничного действия, на что указывает название романа.

В описании идеального мира, несмотря на духовно-интеллектуальный кризис, переживаемый Россией, автор отразил наиболее яркие черты переходного времени: культ свободной любви, эстетизацию смерти, представление о совершенном человеке, со свойственными ему интенциями индивидуализма, гедонизма, гармонией не только духовного, но и телесного начала.

В романе отразилось существующее в оккультно-эзотерических учениях представление о совершенном человеке – Андрогине, соединившем в своей природе оба пола, духовное и телесное начала, все знания о поюстороннем и о потустороннем мирах. Писатель воссоздает черты идеального общества, основой которого видится андрогинная суть человека. Мечта о «божественном всеединстве Сущего» (Вяч. Иванов), которой была пронизана вся культура начала XX века, стала предметом художественного исследования Н.Ф. Олигера, стремящегося разрешить вопрос о совершенстве человека и мира.

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, даны теоретические обобщения развития отечественной утопической традиции и русской литературной утопии первых десятилетий XX века, намечены перспективы дальнейшего изучения проблемы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Файзрахманова, А. А. Оккультно-эзотерические мотивы в утопической драме В. Брюсова «Земля» [Текст] / А. А. Файзрахманова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета: Научный журнал. – 2007. – № 1. – С. 258-266. (0,5 п.л.) (**Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», утвержденный ВАК РФ**).

⁸ Элиаде М. Мефистофель и андрогин. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 194.

2. Файзрахманова, А. А. Типология жанра литературной утопии [Текст] / А. А. Файзрахманова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». – 2010. – № 13(194). – Вып. 43. – С.136-146. (1,3 п.л.) **(Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», утвержденный ВАК РФ).**

3. Файзрахманова, А. А. Особенности развития жанра утопии в русской литературе XIX века (на примере «фантастического рассказа» Ф.М. Достоевского «Сон Смешного человека») [Текст] / А. А. Файзрахманова // Искусство и образование. – 2010. – № 8. – С. 88-92. (0,5 п.л.) **(Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий», утвержденный ВАК РФ).**

4. Файзрахманова, А. А. Антиутопия в литературном процессе XX века [Текст] / А. А. Файзрахманова // Вестник БГПИ. Серия гуманитарных наук. – Уфа.: Магрифат, 1996. – С.91-95. (0,3 п.л.).

5. Файзрахманова, А. А. Утопическое мировоззрение в структуре духовности [Текст] / А. А. Файзрахманова // Мировоззрение в структуре духовности: Материалы республиканской конференции молодых ученых / под ред. В.С.Хазиева, В.В.Гонеевой. – Башгоспединститут. – Уфа: Издательство БГПИ, 1999. – С.41-43. (0,1 п.л.).

6. Файзрахманова, А. А. Влияние фантастики на развитие утопической и антиутопической традиции начала XX века [Текст] / А. А. Файзрахманова // Словесность. Приложение к «Вестнику БГПУ. Серия гуманитарных наук». Выпуск 2. – Уфа: Издательство БГПУ, 2003. – С.77-83. (0,5 п.л.).

7. Файзрахманова, А. А. Утопическое сознание и формы его проявления в русской литературе первой половины XIX века [Текст] / А. А. Файзрахманова // Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз: Материалы Международной научно-практической конференции. Май 2003г. – Уфа: Издательство БГПУ, 2003. – С. 153-159. (0,3 п.л.).

8. Файзрахманова, А. А. Утопическое и антиутопическое в «Трех разговорах о войне, прогрессе, и конце всемирной истории» Вл. Соловьева [Текст] / А. А. Файзрахманова // Система непрерывного образования: школа-педучилище-педвуз: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Май 2006г. Вып. 8 – Уфа: Издательство БГПУ, 2006. – С. 207-212. (0,3 п.л.).

9. Файзрахманова, А. А. К вопросу изучения литературной утопии начала XX века (на примере рассказа В. Брюсова «Республика Южного креста») [Текст] / А. А. Файзрахманова // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: Труды Всероссийской научной конференции (27 марта 2006г., г. Стерлитамак). – Уфа: Издательство Гилем, 2006. – С. 138-141. (0,3 п.л.).

10. Файзрахманова, А. А. Неизвестный Н.Олигер и его утопический роман «Праздник Весны» (традиции и новаторство) [Текст] / А. А. Файзрахманова // Вестник БГПУ им. М.Акмуллы.– 2006. – № 2-3 (10-11). – С.177-185. (1,0 п.л.).

11. Файзрахманова, А. А. Просветительская парадигма в русской утопии XVIII века [Текст] / А. А. Файзрахманова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы международной научно-практической конференции 13 декабря 2007 г. – Уфа: Издательство БГПУ. 2007. – С.187-192. (0,3 п.л.).

12. Файзрахманова, А. А. Лингвопоэтический аспект русской литературной утопии начала XX века [Текст] / А. А. Файзрахманова // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 28 октября 2008г. – Уфа: Издательство БГПУ, 2008. – С. 268-271. (0,3 п.л.).

13. Файзрахманова, А.А. Современное прочтение «социалистической» утопии А.Богданова «Красная звезда» [Текст] / А.А. Файзрахманова // Поэтика художественного текста: материалы Международной заочной конференции 25 ноября 2008 года. – Борисоглебск: Издательство БГПИ, 2008. – С. 296-302. (0,5 п.л.).

14. Файзрахманова, А. А. К антропологической проблематике русской литературной утопии [Текст] / А. А. Файзрахманова // Художественная антропология: Сб. статей. – Караганда: Центр гуманитарных исследований, 2009. – С. 16-26. (0,5 п.л.).

15. Файзрахманова, А. А. Теоретические аспекты изучения жанра русской утопии аналитический обзор. [Текст] / А. А. Файзрахманова // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы V Международной научной конференции 15-16 октября 2009г. – г. Алматы: Издательство Казахского национального педагогического университета имени Абая, 2009. – С. 211-216. (0,3 п.л.).

16. Файзрахманова, А. А. Отражение идей просвещения в утопии М.М.Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведкаго дворянина» [Текст] / А. А. Файзрахманова // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Материалы Международной научно-практической конференции 11 декабря 2009г. – Уфа: Издательство БГПУ, 2009. – С. 343-348 (0,3 п.л.).

17. Файзрахманова, А. А. Национально-культурные предпосылки формирования русской народной утопии [Текст] / А. А. Файзрахманова // Вестник БГПУ им. М.Акмуллы. – 2011. – № 1 (24). – С.107-124 (1,1 п.л.).

Файзрахманова Альфия Анваровна

**Поэтика русской литературной утопии 1900-1910-х годов:
проблемы жанровой трансформации в контексте традиции**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 18.05.2011.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 2,8. Уч.-изд. л. – 2,6.

Тираж 150 экз. Заказ № 342.

ИПК БГПУ «ВАГАНТ» 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а

